

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Игорь Карде

ТАКСА
МИССИС ХАДСОН

Артефакт & Детектив

Игорь Карде

Такса миссис Хадсон

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карде И.

Такса миссис Хадсон / И. Карде — «Эксмо», 2024 — (Артефакт
& Детектив)

ISBN 978-5-04-200285-4

Альма обычная с виду такса, которая любит вкусно поесть и погреться у камина. Однако отличает ее от прочих собак наблюдательный ум и отважное сердце, что по достоинству оценил великий сыщик Шерлок Холмс. Как раз такая помощница ему и нужна! Ведь он взялся за расследование действительно важных и сложных похищений. Украдены драгоценности из национального музея и даже сама корона, без которой ни один король не взойдет на британский престол! Репутация империи в опасности, и только Альма с ее острым нюхом и сообразительностью поможет Холмсу поймать преступников.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200285-4

© Карде И., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Амулет бронзовой кошки	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	27
Глава восьмая	31
Глава девятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игорь Карде

Такса миссис Хадсон

© Карде И., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Сэру Артуру Конан Дойлю – с глубокой признательностью и благодарностью

Амулет бронзовой кошки

Глава первая

Эта удивительная история произошла в начале февраля 1883 года.

Зима в тот год выдалась особенно снежной и морозной, и гулять мне совсем не хотелось. Слава богу, моя хозяйка, миссис Хадсон, не заставляла меня долго бегать по улицам: мы покидали нашу теплую, уютную квартиру на Бейкер-стрит буквально на четверть часа, а потом, обе замерзшие и в снегу, спешили назад. Миссис Хадсон, как правило, сразу же шла на кухню готовить себе яичницу с беконом, а я забиралась в свое любимое кресло, прятала лапы и нос под теплым пледом и еще немного дремала. А затем отправлялась завтракать – обычно овсяной кашей и вареным яйцом.

Ах да, кажется, я забыла представиться: Альма, черная такса. У миссис Хадсон я живу уже четыре года, и мы неплохо ладим. В нашей квартире на Бейкер-стрит, помимо нас, живут еще два человека: мистер Холмс и доктор Ватсон, но о них – чуть позже.

Итак, продолжу свой рассказ. В тот памятный день, о котором я хочу вам рассказать, на улицу я выбежала довольно рано. И одна: моей хозяйке немного нездоровилось – мучил кашель, и я решила не брать ее с собой. Пусть посидит пока дома и попьет горячего чая. Выскочила из кухни (у меня свой выход через небольшой лаз в двери) и привычно понеслась на наш задний двор.

Бледное зимнее солнце уже поднялось над острыми белыми крышами соседних домов, было достаточно светло. Но очень холодно – мороз сразу обжег меня. У нас, у такс, шерсть очень короткая, а лапы – низенькие и кривоватые, потому мы зиму, прямо скажем, не очень любим. Точнее, совсем не любим. Хорошо еще, что снег уже плотно утоптали прохожие, и мне не приходилось в нем барахтаться, ныряя в сугроб по самые уши. Несмотря на ранний час, народу на Бейкер-стрит было уже прилично: день будний, понедельник, все спешили по своим делам.

Я сделала привычный круг по нашему двору и собралась уже назад, в квартиру, как меня неожиданно окликнули:

– Эй, Альма, как дела?

Я подняла голову: на одном из мусорных ящиков сидел Барти, серый уличный кот, задира и бродяга. Я с ним дружу: во-первых, он всегда в курсе всех местных дел, и это часто оказывается полезным, а во-вторых, пару раз он серьезно выручал меня, помогал в весьма непростых ситуациях. В которые заводило меня неумное собачье любопытство... Да, это главный мой недостаток: люблю совать свой черный нос в чужие дела. А многим это совсем не нравится.

– Что тебе? – не слишком любезно ответила я. – Извини, Барти, не могу с тобой долго болтать – лапы уже заledenели.

– Слушай, – жалобно протянул кот и незаметно, как только один он умел, оказался возле меня, – если не трудно... прихвати с кухни пару кусочков для меня, а? А то я совсем голодный.

Я бросила взгляд на мусорные ящики: ага, все понятно. Наш дворник, Хенк Хаксли, почему-то жутко не взлюбил бедного Барти и часто оставляет его без обеда – плотно закрывает ящики для кухонных отходов тяжелыми крышками. Ну, подумаешь, пороется в них несчастный кот и что-то там для себя найдет! Так нет же, запирает так, что лапой (даже с острыми когтями!) не подцепишь и не откроешь. Вот и остается Барти голодным.

Я пообещала раздобыть для него что-нибудь: нужно помогать друг другу, верно ведь? Тем более в такую суровую зиму! После чего быстро простилась с котом и помчалась бегом

домой – мороз уже больно щипал меня за лапки и голый животик. А это, поверьте, очень, очень неприятно...

На кухне я первым делом бросилась к плите – греться. Плита у нас большая, черная, чугунная и очень горячая, особенно когда на ней готовится обед. Как сейчас, например: на конфорках стоял большой медный чайник, почти закипевший, а рядом громко булькали две кастрюли – в них что-то уже варилось. По всей квартире разливался приятный аромат картофельного супа с бараниной. Мое любимое блюдо!

– А, Альма, – приветствовала меня миссис Хадсон, – нагулялась? Ну и как там, на улице? Холодно?

Я тихонько гавкнула: неужели не видно? Достаточно посмотреть на наше замерзшее кухонное окно и лед на дверном порожке, и все станет ясно без слов. Но моя хозяйка, увы, не наблюдательна. В отличие от мистера Шерлока Холмса, который замечает буквально все. Я отлично помню свою первую встречу с ним.

В то время я занималась весьма интересным делом – поиском пропавшего левого башмака миссис Хадсон и сначала на нашего нового жильца внимания не обратила. Ну, есть он, и есть: хозяйка тогда очень нуждалась в деньгах и разместила в газетах объявление о сдаче внаем двух верхних комнат и гостиной. И лишь когда со второго этажа потянуло какими-то противными химическими запахами и стали раздаваться тоскливые, заунывные, пиликающие звуки (причем в самое неподходящее время!), я поняла, что нужно идти знакомиться. И поднялась по лестнице в верхнюю гостиную – хотя при моих коротких лапках сделать это было совсем непросто.

Мистер Шерлок Холмс мне совершенно не понравился: рассеянный (едва не наступил на мою лапу), очень неаккуратный (вещи раскиданы по всей комнате), а уж пахло от него! Прямо-таки воняло – какой-то едкой смесью, которую он как раз разогревал на маленькой спиртовке. Мне в нос шибануло так, что я сразу же зачихала, а из глаз невольно потекли слезы. Я даже тихонько заскулила... Но наш новый жилец настолько был увлечен своим делом, что не обратил на меня никакого внимания – просто стоял у стола и что-то вполголоса бормотал про себя. Судя по всему, он проводил какой-то важный химический опыт: сначала осторожно переливал синеватую жидкость из одной стеклянной мензурки в другую, а затем стал медленно нагревать ее. Я начала наблюдать за ним из-под стола – интересно же! И хорошо все видно.

Наконец жидкость превратилась из бледно-синей в темно-фиолетовую, а затем – в черную, и Холмс радостно воскликнул: «Я знаю, кто убийца!» И немедленно изобразил нечто вроде неуклюжего танца. Во время которого он все-таки наступил на меня – точнее, на мою правую лапу. Я тонко взвизгнула – не столько от боли, сколько от неожиданности, и Шерлок замер на месте прямо с мензуркой в руках. Потом нагнулся и удивленно поднял брови – кто это там? Можно подумать, он такс никогда не видел!

Холмс положил мензурку на стол, взял меня на руки и слегка погладил:

– Ну, здравствуй, Альма! Ты, как вижу, тоже большая любительница приключений. И еще дружишь с серым уличным котом.

Ладно, мое имя он прочитал на ошейнике, это просто, про любовь к приключениям понял по стертým когтям на лапах (я много бегаю по булыжной мостовой, расследуя очередное дело), а кошачий волос на правом боку, похоже, остался у меня после позавчерашних приключений, когда мы с Барті лежали в засаде, выслеживая одного очень опасного типа... Все абсолютно понятно и логично. Но как он узнал, что мой друг – кот, а не кошка? Даже мне, с моим тонким нюхом, не всегда удается по одному только кошачьему волосу определить, кому он принадлежит – ему или ей. Я недоуменно гавкнула, и Шерлок рассмеялся:

– Я просто угадал, Альма! Хотя, если подумать, в этом нет ничего сложного, обычная дедукция: такая умная собака, как ты, наверняка не очень-то жалуется домашним кискам – счи-

тает их глупыми. А вот хитрый уличный котяра может быть даже полезен. Как видишь, элементарно.

После этого я Шерлока очень зауважала. А уж когда он угостил меня миндальным бисквитом... Миссис Хадсон, при всех ее достоинствах, не слишком часто балует меня чем-то вкусненьким, говорит, что это вредно для фигуры. Сама она строго следит за талией, сладкого и мучного (в том числе и обожаемых мною миндальных бисквитов) почти не покупает, следовательно, и мне они не достаются. И если бы не Холмс... Нет, вы не подумайте, я на свою жизнь ничуть не жалею – кормят вполне прилично, всегда сыта, но иногда, знаете ли, хочется чего-нибудь такого, вкусненького... Помимо постоянной овсяной каши на завтрак (иногда с яйцом) и овощного супа с маленькой косточкой на обед (он же – и ужин).

В плане фигуристости, скажу вам прямо, я миссис Хадсон ничуть не уступаю, в этом мы похожи, но вот взгляды на еду у нас несколько разные. Что, впрочем, нисколько не мешает нам жить душа в душу.

Друг Шерлока Холмса, доктор Джон Ватсон, появился у нас чуть позже и особого впечатления на меня не произвел – самый обычный человек. Но свое врачебное дело он знал неплохо, это верно: сразу же помог моей хозяйке избавиться от мигрени, долгое время ее мучившей, а мне ловко обработал лапку, когда я случайно порезалась стеклом на улице. Вытащил пинцетом осколки, протер рану спиртовым раствором и крепко перевязал. И уже через три дня я бегала на всех четырех ногах. А не ковыляла еле-еле на трех, как раньше. За что я была ему очень благодарна.

Но вернемся к рассказу. Итак, не успела я согреться, как в парадную дверь позвонили – затренькал колокольчик, причем громко, настойчиво. Миссис Хадсон открыла дверь, и в прихожую вошел высокий, худощавый, хорошо одетый мужчина. Немолодой, представительный, с густыми седыми волосами и усами желтоватого оттенка (очевидно, от постоянного курения сигар). В руках он держал трость из полированного черного дерева с круглым серебряным набалдашником. Она, эта трость, а также длинное теплое кашемировое пальто с широким барсучьим воротником и толстые кожаные перчатки с меховой подкладкой, без сомнения, указывали на то, что перед нами человек весьма состоятельный и, несомненно, принадлежащий к высшему обществу.

Гость был чем-то очень взволнован. Поздоровавшись с миссис Хадсон, он протянул свою визитную карточку и попросил немедленно передать ее мистеру Холмсу.

Через несколько минут Шерлок принял его – как всегда, в гостиной на втором этаже. Я быстренько шмыгнула под лестницу – там у нас есть такой славный уголок, откуда можно слышать все, что делается наверху. Очень удобное место! И, главное, незаметное – его отлично прикрывает большая корзина с постельным бельем. Но перед этим я, по своему обыкновению, обнюхала зимнее пальто нашего посетителя: по запаху можно узнать очень и очень многое! В данном случае пальто пахло старой пылью, я даже пару раз чихнула, и кубинскими сигарами (весьма недешевое удовольствие!). А вот домашних животных у нашего гостя точно не было – я бы их почувствовала.

Джентльмен поднялся на второй этаж к Холмсу, а я, как обычно, начала подслушивать (что делать – ужасно любопытна). Нашим гостем оказался уважаемый мистер Приксвелл, директор Британского музея. Он рассказал Шерлоку и доктору Ватсону (тот тоже был в гостиной – еще не уехал на утренние визиты к пациентам) совершенно удивительную историю.

– Месяц назад, – начал мистер Приксвелл, – в нашем музее открылась большая выставка, посвященная эпохе фараона Аменхета, основателя одной из самых интересных и загадочных египетских династий. Он жил и царствовал примерно за двадцать веков до Рождества Христова, то есть почти четыре тысячи лет назад...

Я услышала, что Холмс чуть хмыкнул: скорее всего, он ничего не знал ни о египетском фараоне Аменхете, ни о его славном правлении. Однако не потому, что был невежествен, нет,

просто ему это было абсолютно неинтересно. Однажды при мне он сказал своему другу доктору Ватсону: «Мозг человека похож на чердак, где хранят самые разные вещи, и, если забивать его случайными предметами, то не останется места для по-настоящему нужных и важных. Я лично складываю в свой чердак только то, что нужно для моей деятельности – криминалистики, расследования преступлений, все же остальное меня совершенно не интересует».

Поэтому, имея глубочайшие познания в естественных науках, и прежде всего – в химии, физике, биологии, анатомии, физиологии, геологии, Шерлок совершенно не просвещен в истории, литературе, социологии, философии и искусстве. И даже в астрономии он, как ни странно, тоже весьма слаб: например, был удивлен, когда узнал, что Земля вращается вокруг Солнца. А не наоборот, как можно было бы подумать. Однако просто пожал плечами: «Ну и что? Какое имеет это отношение к моим расследованиям?»

Но я отвлеклась, вернемся к нашему повествованию.

– Основу нашей новой экспозиции, – продолжил рассказ директор Приксвелл, – составляет коллекция сэра Райли, известного любителя египетских древностей...

– Я слышал о нем, – негромко произнес Шерлок, – он ведь занимается потрошением древних могил, так? Говоря проще, нагло грабит их в поисках сокровищ?

– Сейчас это называется «археология», – вступил в разговор доктор Ватсон. – Недавно я видел в «Дейли газет» большую статью об этой египетской экспедиции. Сэр Райли вел раскопки в древнем Асуане, и ему неожиданно повезло: нашел абсолютно целую, не разграбленную царскую могилу, полную уникальных золотых украшений!

– Так и есть! – оживился директор Приксвелл. – Раскопки велись возле знаменитой пирамиды фараона Аменхета, одного из самых замечательных и могущественных правителей Древнего Египта. Внутрь сооружения попасть сэру Райли, к сожалению, не удалось, подземная часть давно затоплена, да и смысла в этом, если подумать, не было: царскую погребальную камеру разграбили еще три тысячи с лишним лет назад. Зато рядом с пирамидой он обнаружил могилы членов царской семьи, в том числе – и дочери фараона, прекрасной Нефед. Она в свое время тоже была царицей и правила довольно долго и успешно. Ее захоронение находится на дне глубокой вертикальной шахты, засыпанной доверху песком, потому и уцелело.

Песок из древней шахты вынули и вниз, на самом дне, обнаружили прекрасно сохранившуюся погребальную камеру, а в ней – великолепный саркофаг, к счастью, совершенно целый, не разбитый и не разграбленный. Внутри нашли мумию царицы Нефед и большое количество золотых украшений. Это открытие стало настоящей сенсацией! Находки имеют огромное значение для науки, не говоря уже об их художественной и материальной ценности! Золотые кольца, кулоны, серьги и браслеты с большими камнями... Кроме того, там были еще изящные статуэтки и красивейшие изделия из бронзы... В общем, много всего! После возвращения в Англию сэр Райли любезно согласился предоставить часть украшений для выставки в Британском музее. Экспозиция открылась примерно с месяц назад, и все было хорошо, пока...

– Пока сегодня ночью их не похитили, – произнес Шерлок Холмс.

И тут же пояснил – очевидно, заметив удивление на лице директора:

– Иначе бы вы не пришли ко мне с самого утра, верно?

– Да, – тяжело вздохнул мистер Приксвелл. – Вы абсолютно правы, сэр: произошло ужасное преступление! Ночью воры каким-то образом сумели проникнуть в Египетский зал музея и забрали самые ценные экспонаты из коллекции сэра Райли! Сегодня утром я, как всегда, еще до открытия пришел в зал, чтобы полюбоваться этими великолепными изделиями, и вдруг вижу: две витрины разбиты, внутри ничего нет. Это просто ужасно, мистер Холмс! Невосполнимая утрата для науки и страшный удар по репутации Британского музея! Я просто в отчаянии!

– У меня к вам два вопроса, – вежливо перебил директора Шерлок Холмс. – Первый: почему вы пришли ко мне, а не обратились сразу же в Скотленд-Ярд? И второй: кто и как охранял вашу экспозицию?

– Начну со второго, – ответил мистер Приксвелл. – Разумеется, мы прекрасно понимали, сколько стоят эти уникальные вещи, поэтому предприняли все меры, чтобы сберечь их. Окна в нашем Египетском зале забраны толстыми стальными решетками, выломать их практически невозможно, двери, а их две с каждой стороны, на ночь надежно запираются, ключи всегда находятся у меня. Вот они, можете сами убедиться, дубликатов нет. Я сам каждое утро открываю Египетский зал и запираю его после шести часов, когда заканчивается время осмотра. На втором этаже музея и внизу, у входа, постоянно дежурит охрана. Это вполне надежные люди, много лет прослужившие у нас, и мы им полностью доверяем. Но главная ставка нами была сделана все-таки не на людей и даже не на толстые решетки и прочные замки, а на современные технические средства – на новейшую электрическую сигнализацию. Специально для самых дорогих экспонатов мы заказали две витрины особой конструкции, при попытке взломать которые размыкается секретная электрическая цепь и включается сирена. И воеет она очень громко, поверьте мне! Я не раз лично испытывал ее, и срабатывала она всегда исправно.

– Но эти витрины наверняка были закрыты сверху стеклом, – заметил Холмс, – а его легко разбить. И достать царские украшения...

– Правильно, стеклом, – согласился директор Приксвелл, – но разбить его не так-то просто, оно особой прочности, закаленное. Нас заверили в компании-изготовителе, что оно способно выдержать даже удар тяжелого молотка! Надо бить по нему очень сильно и долго, чтобы разбить на части, а это, как вы понимаете, шум. Случись подобное – и посетители обязательно бы услышали и прибежали, но ничего не было! А если бы кто-то попытался вскрыть витрины отмычкой, то разомкнулась бы электрическая цепь и завывла сирена. Я в полном недоумении, сэр: как преступникам удалось без шума, совершенно по-тихому похитить наши экспонаты? Я был абсолютно уверен в их полной безопасности!

– Но витринное стекло, как я понимаю, – произнес Холмс, – все же разбили, а украшения вынесли. А ваша сирена не сработала.

– Да, и это весьма странно! – воскликнул директор Приксвелл.

– Надеюсь, царские драгоценности были застрахованы? – уточнил Холмс.

– Разумеется, – кивнул мистер Приксвелл, – но дело, как вы понимаете, не в деньгах, самое страшное – это удар по репутации Британского музея. Если о краже станет известно... Нам больше не станут давать такие ценные экспонаты, и мы не сможем проводить столь интересные выставки! Это, кстати, ответ на ваш первый вопрос, мистер Холмс, почему я пришел к вам, а не в Скотленд-Ярд. Ваша слава как частного сыщика мне хорошо известна, вот я и решил, что только вы сможете помочь мне, причем так, чтобы сохранить все в тайне. Я верю, что вы, с вашими выдающимися детективными способностями...

– Благодарю вас, сэр, – учтиво произнес Шерлок. – Скажите, что вы предприняли после того, как обнаружили пропажу драгоценностей?

– Приказал убрать разбитые витрины из Египетского зала на лестницу и передвинуть на их место другие, – вздохнул директор Приксвелл, – чтобы посетители ни о чем не догадались. Пока, по крайней мере. Однако через два дня, в четверг, наш музей собирается посетить сам сэр Райли – он хочет показать свои сокровища друзьям, тоже увлекающимся поисками древностей. Вот я и прошу вас, мистер Холмс, нет, просто умоляю, помогите мне вернуть украденные вещи и спасти репутацию Британского музея! Она для меня дороже всего! Разумеется, ваши услуги будут полностью оплачены – из моих личных средств. Я ничего не пожалею, только бы вернуть сокровища царицы Нефед на место!

– Значит, – задумчиво заметил Шерлок, – преступник разбил не все витрины в зале и похитил не все драгоценности?

– Нет, только две из шести, – ответил Приксвелл, – но зато с самыми ценными экспонатами. Четыре витрины остались нетронутыми, хотя там тоже лежали весьма дорогие вещи. Преступник, очевидно, прекрасно знал, что именно следует брать...

– Или ему кто-то подсказал, – сказал Холмс. – Обычный лондонский вор в древнеегипетских украшениях не разбирается. Ладно, сэр, я берусь за ваше дело! Но прежде всего мне нужно осмотреть место преступления и поговорить со служителями – теми, кто охранял музей. Кроме того, я попрошу составить для меня список пропавших вещей с подробным их описанием.

– Мы можем поехать прямо сейчас! – с воодушевлением произнес директор Приксвелл. – Для посетителей Египетский зал откроется только в одиннадцать часов, и у нас еще есть время. И вы один, спокойно, без помех, осмотрите помещение, а я тем временем займусь составлением для вас списка похищенного...

Холмс поднялся с кресла и вышел на лестницу:

– Миссис Хадсон, я уезжаю по делам, буду завтракать позже.

– Хорошо, мистер Холмс, – отозвалась из кухни моя хозяйка, – я оставлю вам пару сэндвичей.

После этого Шерлок в сопровождении мистера Приксвелла спустился по лестнице и вышел в прихожую. Доктор Ватсон с ними не поехал – его ждали утренние визиты к пациентам. Я вылезла из своего укрытия, подошла к Шерлоку и негромко тявкнула, привлекая его внимание.

– Познакомьтесь, мистер Приксвелл, – представил меня Холмс, – такса Альма, в некотором роде – моя помощница. Тоже любит заниматься разными странными и запутанными делами... Хочешь поехать с нами? – обратился сыщик уже ко мне.

Я утвердительно гавкнула. Холмс нагнулся и взял меня на руки, я не возражала – так гораздо удобнее, чем морозить лапки и животик на утреннем холоде. Мы покинули нашу уютную квартиру и вышли на улицу. Шерлок махнул рукой, подзывая кеб, мы втроем погрузились в него и по зимнему, холодному Лондону, пахнушему каменным углем и дымом, отправились в Британский музей.

Глава вторая

Дорога заняла у нас всего четверть часа, и вскоре кеб остановился возле монументального здания Британского музея. Его великолепный фасад в классическом стиле, с треугольным портиком и высокими белыми колоннами, всегда вызывал у меня чувство искреннего восхищения.

Директор Приксвелл провел нас к служебному входу – справа от основного, для посетителей. Открыл своим ключом высокую массивную дверь, вошел и кивком поздоровался с дежурным служащим. Тот при виде его с неохотой отложил утреннюю газету и тяжело приподнялся со стула. Я отметила грузную, оплывшую фигуру смотрителя, его желтое, одутловатое, дряблое лицо с ранними морщинами, одышливое кряхтение при вставании и подумала: вряд ли этот человек мог бы быстро прибежать на вой сирены, случись что! Пока бы он думал, что делать, пока поднимался со стула и шел до лестницы, пока взбирался бы на второй этаж... Преступник давно бы уже улизнул – вместе с похищенным.

Холмс все еще держал меня на руках, и мне пришлось тихо гавкнуть, чтобы он меня отпустил. Мы миновали парадный, гулкий, едва освещенный вестибюль (газовые лампы горели вполсилы – до открытия музея еще оставалось свыше получаса), затем по широкой мраморной лестнице (Холмс снова взял меня на руки) поднялись на второй этаж этого холодного, строгого, величественного здания. Прошли через длинную анфиладу залов, заполненных музейными экспонатами, сделали поворот направо и очутились у входа в Египетский зал. Директор Приксвелл достал из кармана тяжелую связку с ключами, нашел нужный и открыл высокие двойные двери.

Мы оказались в большом, просторном помещении – свет свободно лился через три арочных окна. Ничто в зале не напоминало о печальном ночном происшествии, никаких следов. А выставочные стенды, казалось, всегда так и стояли на своих нынешних местах.

– Где разбитые витрины? – поинтересовался Холмс.

– На лестнице, за дверями зала, – ответил директор, – я приказал их убрать, чтобы никто ничего не узнал...

– Мне необходимо осмотреть зал, – сказал Шерлок, снимая пальто.

Он подошел к окнам, я побежала за ним следом, цокая по деревянному паркету острыми коготками. Я заметила, что окна в зале были расположены довольно высоко, изнутри, как и сказал директор Приксвелл, плотно закрывались толстыми стальными решетками. Холмс тщательно осмотрел замки, затем подоконники и пол у стены. Я обежала зал по периметру, но ничего интересного для себя не нашла. Лишь в одном месте мое внимание привлек странный запах: я принялась и недоуменно остановилась, ничего подобного я раньше не чувала.

И гавкнула два раза. Холмс обернулся ко мне: «Что там, Альма?» Он подошел и опустился на колени, затем достал из кармана большую лупу и стал внимательно изучать паркетный пол. Спросил у мистера Приксвелла:

– Разбитые витрины стояли тут, в этом месте?

Директор печально вздохнул: да, именно здесь. Шерлок продолжил исследование, но теперь его больше интересовал пол у правого окна. Мне показалось, что Холмс стал очень похож на ищейку, взявшую след. Неожиданно в зал вбежал служащий в синей униформе и начал что-то тихо говорить директору.

– Почти одиннадцать часов, – с сожалением произнес мистер Приксвелл, – мы обязаны открыть музейные залы для осмотра. Но нельзя, чтобы кто-то увидел вас здесь, мистер Холмс, по городу пойдут ненужные слухи...

– Еще минуточку! – ответил, не поднимаясь с колен, Шерлок.

И снова стал изучать паркет. Я тоже опустила нос и еще раз тщательно все обнюхала. Станный запах, привлечший мое внимание, вел в дальний угол зала. След преступника? Но на паркете я ничего не заметила, никаких следов обуви. Возможно, вор был босиком? Я ясно почувствовала чужой запах и уверенно побежала по следу, но тот вдруг оборвался у длинной бордовой шторы, закрывавшей правое окно. Я удивленно подняла голову: куда же мог деться преступник? Не улетел же он вон в ту крохотную форточку на окне, в самом же деле!

Ко мне подошел Шерлок:

– Правда, необычно? А ты молодец, Альма, дала мне очень важную подсказку.

И спросил у директора Приксвелла, показывая на небольшое круглое отверстие под самым потолком зала:

– Скажите, сэр, что это?

– Воздуховод. Но не думаете же вы, мистер Холмс, что преступник мог проникнуть в зал через него? Отверстие очень маленькое, человеку ни за что не протиснуться! К тому же там еще и решетка...

– Взрослый человек не пролезет, – согласился Холмс, – но ребенок – вполне. Если допустить, что вор – маленький мальчик... Вполне мог забраться в воздуховод снаружи, проползти по нему до этого места, открыть решетку, спуститься вниз по шторе и совершить кражу. А потом покинуть зал таким же путем – вскарабкавшись по шторе обратно в воздуховод.

– Мальчик? – удивился директор Приксвелл. – То есть совсем ребенок? Но он бы ни за что не смог разбить витрину, для этого нужна большая физическая сила! Пойдемте, и вы сами все увидите! Стекло очень толстое и прочное, и расколоть его чрезвычайно трудно!

Мы покинули музейный зал и вышли на служебную лестницу, куда перенесли поврежденные витрины. Стекла в них были расколоты – кто-то, похоже, и впрямь бил по ним с огромной силой. Внутри лежали крупные куски стекла. Холмс взял один из них, достал лупу, внимательно посмотрел.

И улыбнулся:

– Так и есть! А что ты скажешь по этому поводу, Альма? – показал он мне осколок.

Я ничего сказать не могла, ибо ничего еще не поняла, но на всякий случай одобрительно гавкнула – чтобы поддержать Шерлока.

– Смотрите, – показал Холмс директору музея, – края стекла не острые, как при ударе молотком, а ровные, гладкие. Наш воришка, похоже, использовал алмаз – им без труда режется любое стекло, даже самое прочное. Особая сила тут не требуется, нужны лишь время, внимательность и аккуратность. Сначала воришка вырезал круг по центру витрины, достал украшения, а затем, чтобы замести следы, распилил стекло еще в нескольких местах – словно бы по нему колотили с большой силой. Он сделал все очень тихо, поэтому ваши охранники ничего и не услышали. Да и двери в зал были плотно закрыты... А то, что ваша электрическая сигнализация не сработала, вполне понятно: витрина же не вскрывалась, электрическая цепь не размыкалась. Да, очень хитрое преступление и, заметьте, ловко и умело выполненное!

– Но зачем вору понадобилось резать стекло, после того как все украшения были вынуты? – удивился директор Приксвелл. – Это же лишняя работа и время!

– Затем, – подумав, ответил Холмс, – чтобы запутать следы: наши полицейские, увидев куски стекла, наверняка подумали бы, что здесь орудовал очень сильный мужчина, крупный и крепкий. Но как он проник в музей и как потом покинул зал? Двери и окна – прочно заперты, замки никто не вскрывал, они целые... Они бы ни за что не догадались, что вор – лишь ребенок, который пробрался через небольшой воздуховод. И еще долго бы ломали голову над этой загадкой, а драгоценное время было бы упущено. На это, по-видимому, и рассчитывали те, кто спланировал ограбление: всем известно, что любое преступление легче раскрыть по горячим следам, чем через некоторое время.

Я была полностью согласна с Холмсом, его доводы звучали весьма логично. Наши полицейские, прямо скажем, не самые умные люди на свете, и они бы, скорее всего, просто развели в недоумении руками: не мог же преступник взять и испариться! Или же вылететь в форточку.

– Кстати, – продолжил Холмс, – я нашел у стены отпечаток маленькой ноги, и это доказывает правильность моего предположения. Скорее всего, вор – действительно ребенок, лет восьми-деяти, не больше. Маленький, худенький, чрезвычайно ловкий. Он без труда залез в воздуховод, прополз по нему до зала, открыл решетку, спустился по шторе вниз, взрезал алмазом витринное стекло, взял украшения, запутал следы, а затем спокойно покинул музей тем же способом. Следов от обуви я не нашел, хотя на улице сейчас очень сыро и грязно, следовательно, он был босиком.

– И у него были сообщники! – уверенно заявил директор Приквелл.

– Несомненно, – подтвердил Холмс. – Мальчишку подвезли к музею в экипаже, помогли забраться по внешней стене наверх, подождали, а затем доставили обратно вместе с добычей. И еще: мне абсолютно ясно, что это ограбление заказал человек, прекрасно разбирающийся в стоимости древних сокровищ. Именно он, надо полагать, и проинструктировал мальчишку – из каких витрин и что следует брать. Поэтому мне нужен список, чтобы понять, что было украдено, это поможет нам в расследовании...

– Попрошу в мой кабинет! – пригласил нас директор Приквелл. – Я сам составлю этот список. Я каждое утро заходил в Египетский зал и прекрасно помню все экспонаты. И точно знаю, что лежало в этих двух разбитых витринах!

Глава третья

Мы покинули служебную лестницу и вернулись в музейный зал – в нем уже появились первые посетители. Они восхищались древними египетскими сокровищами и совершенно не подозревали о ночной краже.

Мистер Приксвелл повел нас в свой кабинет, находящийся на третьем этаже здания. Это еще две высокие лестницы и один длинный коридор... Ох, и устала же я, пока добежала! Бедные мои лапки!

Кабинет оказался довольно большим, три его стены полностью занимали деревянные шкафы, под завязку забитые толстыми старинными томами в потертых кожаных переплетах, а последняя, четвертая, стена выходила прямо на Грейт-стрит – ее часть была хорошо видна через два широких окна. Над солидным директорским креслом висел, как и положено, парадный портрет королевы Виктории, пол устилал мохнатый красно-зеленый ковер – судя по густоте ворса, персидский. От него остро пахло старостью и вековой пылью. Вот откуда этот запах у мистера Приксвелла!

В центре кабинета стоял тяжелый дубовый стол, перед ним – два глубоких мягких кресла. Холмс занял одно из них, а я, как и подобает приличной собаке, легла рядом, возле его ног.

Директор попросил секретаря никого не впускать к нему – очень важный разговор. Затем достал из стола толстую тетрадь и, сверяясь с ней, начал составлять список украденного. Он макал перо в старинную бронзовую чернильницу, украшавшую стол, на пару секунд прикрывал глаза, что-то, очевидно, припоминая, а затем писал. Холмс, повернувшись вполоборота, изучал толстые старинные книги в шкафах, я же просто скучала.

Внезапно директор прервал свое занятие и задумался.

– Вы нашли что-нибудь необычное? – спросил Холмс.

– Да, – кивнул директор. – В двух разбитых витринах находились самые дорогие украшения, принадлежавшие, очевидно, самой царице Нефед, их, по словам сэра Райли, обнаружили прямо в ее саркофаге. В основном это золотые кулоны, цепочки, серьги, кольца с драгоценными камнями... То, что любят все женщины. Но там же, в гробнице, нашли и очень интересный бронзовый амулет в виде кошки. Дело в том, что царицу Нефед считают первой жрицей богини Баст, которую обычно изображают как сидящую кошку или же женщину с кошачьей головой. Ее очень любили и почитали в Древнем Египте, ибо она символизировала радость, веселье, красоту, домашний уют и плодородие. Кошек тогда вообще считали священными животными, им поклонялись. Смерть домашней любимцы являлась большим горем для всей семьи, все домочадцы в знак траура сбривали брови... А за убийство кошки полагалась смертная казнь! Поэтому неудивительно, что в саркофаге нашли амулет с изображением богини Баст, но странно другое: я сначала решил поместить его в угловом стенде, он все-таки не столь ценный, как прочие царские украшения, однако сэр Райли, когда мы обсуждали с ним этот вопрос, настоял, чтобы его положили вместе с другими золотыми вещами. Я, конечно, пошел ему навстречу – ведь он оказал нам такую услугу, предоставил для выставки уникальную коллекцию! В результате этот амулет также оказался украден...

Холмс просто пожал плечами: воришка, судя по всему, брал из витрины все подряд, не выбирая. Ему сказали – он сделал.

– Такие бронзовые амулеты у нас не считаются особо ценными и редкими, – задумчиво продолжил директор Приксвелл, – их находят довольно часто, а копии успешно делают и по сей день. В Египте богиня Баст и в наше время очень популярна и почитаема, медальоны с ее изображением носят многие женщины, и прежде всего – замужние. Конечно, не на виду у всех, их не показывают чужим, но все же... Я, честно говоря, не понимаю, что такого нашел в этой вещи сэр Райли, чтобы поместить ее рядом с поистине уникальными золотыми украшениями.

– Скажите, сэр, – спросил Холмс, – в какую примерно сумму можно оценить украденные предметы?

– Для науки они просто бесценны! – подскочил на месте директор.

– Но все-таки? Хотя бы примерно?

– В весьма кругленькую! Страховое общество, разумеется, полностью выплатит все убытки сэру Райли, а мы принесем ему свои глубочайшие извинения – за то, что не смогли уберечь уникальные находки. Но дело, как я уже говорил, вовсе не в деньгах, страшно другое: царские украшения вполне могут попасть в Америку, и мы тогда их больше не увидим. Продать их здесь, в Британии, будет непросто – если мы официально объявим о краже и дадим в газетах их полное описание, а вот где-то за океаном... Там много богатых людей, и у них хватит средств купить эти вещи – для себя, своей коллекции. Или, скажем, просто из тщеславия. Или же – как выгодное вложение денег. Много причин! Тогда для науки они будут потеряны – по крайней мере, на долгие годы и десятилетия. Но еще больше я боюсь другого – что их переплавят в золотые слитки, а редкие самоцветы выковыряют и распродадут по одному.

– Это вряд ли, – покачал головой Шерлок Холмс. – Тот, кто заказал это преступление, прекрасно знает о стоимости этих древних артефактов. Их действительно выгоднее вывезти за океан и продать на аукционе где-нибудь в Нью-Йорке... Конечно, не сейчас, не сразу, а через несколько лет, когда шум вокруг этого дела уляжется. Я более чем уверен: заказчик – чрезвычайно умный и осторожный человек, он не станет спешить, а уж тем более – превращать уникальные вещи в обычный золотой лом. Так что шанс найти их целыми и невредимыми у нас есть. Да, это весьма интересное дело, и я с удовольствием им займусь!

Холмс получил от мистера Приксвелла полный список украденного, и мы покинули кабинет директора. Разумеется, говорить со сторожами он не стал – картина преступления была для него совершенно ясной, ничего нового от них он не услышал бы. Так зачем тратить время? На прощание мистер Приксвелл еще раз попросил Холмса держать его в курсе дел и, разумеется, соблюдать строжайшую тайну. Если о краже станет известно сэру Райли, будет скандал, и совет попечителей Британского музея, скорее всего, попросит его подать в отставку. Что станет бесславным концом его более чем двадцатилетней службы на этом посту...

Директора Приксвелла было откровенно жалко – уважаемый человек, всю жизнь посвятивший науке и музею... Значит, у нас с Холмсом имелось в запасе всего два дня, чтобы найти царские сокровища. До того, как сэр Райли приведет в Британский музей своих друзей и ему все станет известно... Нет, мы должны вернуть сокровище царицы Нефед на место и предотвратить этот ужасный скандал! И спасти от позора директора Приксвелла.

Глава четвертая

– Ты обратила внимание, Альма, – обернулся ко мне Шерлок Холмс, когда мы уже сели в кеб, – отпечаток ноги на паркете очень странный. То, что он маленький, детский, это понятно – взрослый ни за что бы не протиснулся в этот воздуховод, но вот его форма... У меня такое впечатление, что тот, кто его оставил, не привык к ботинкам. Точнее, никогда в жизни их не носил. Что из этого следует?

Я вежливо твякнула, как бы говоря: продолжайте, Шерлок, я вся внимание. Холмс на секунду задумался, затем сам же ответил:

– То, что наш преступник – из очень жаркой страны, скорее всего, из Индостана, Африки или же Восточной Азии. То есть оттуда, где жители носят мягкую обувь, туфли, тапочки или же вообще ходят босиком. Поэтому и ступни у них несколько иной формы, чем у нас, европейцев. Тогда возникает вопрос: что делает этот туземный мальчик здесь, в Лондоне? Где он живет, чем занимается? Недавно вернулся вместе с хозяином из Индии и служит в богатом доме? Да, такое вполне возможно. Но как он оказался замешанным в эту странную историю? Индийцы, насколько знаю, весьма законопослушные люди... Член какой-нибудь местной воровской шайки? Не похоже. Маленький бродяжка, которого наняли на один раз? Точно нет! В общем, у нас пока – одни только вопросы.

В этот момент взгляд Холмса упал на большую бумажную афишу, украшавшую стену дома, мимо которого мы проезжали. Шерлок удивленно вскинул брови, а затем приказал кебмену остановиться. Еще на ходу он выпрыгнул из коляски и побежал к дому, я, естественно, помчалась следом. Ужасно не люблю снег, особенно такой – грязный, мокрый, истоптанный сотнями ног. Сразу же захотелось обратно в тепло, ближе к нашей чугунной плите и любимому мягкому креслу. Я поджала левую лапку и тихонько заскулила – холодно же!

Между тем Шерлок внимательно изучал афишу, которая зазывала зрителей на представление цирка-шапито, примерно с месяц назад появившегося у нас в городе, в Найтсбридже. Что именно заинтересовало в ней Холмса, я не поняла – афиша как афиша: аляповатая, грубая, крикливая и довольно примитивная. На ней была изображена (не очень умело, кстати) цирковая арена, на которой выступают то ли жонглеры, то ли акробаты в ярких, пестрых костюмах, кривляются размазанные клоуны, бегут по кругу лошади с белым плюмажем... И почему-то еще – большая странная пушка с огромным черным ядром.

Шерлок с легкой усмешкой посмотрел на меня:

– Альма, что ты думаешь по поводу цирка? Почему бы нам с тобой сегодня вечером не сходить на представление?

Я, если честно, ничего не думала: хотелось скорее обратно в кеб и в любимую квартиру на Бейкер-стрит, но из вежливости я одобрительно гавкнула.

– Отлично! – улыбнулся Холмс. – Тогда я приглашаю тебя!

После этого Шерлок подхватил меня на руки, и мы наконец вернулись в экипаж. Кебмен взмахнул длинным кнутом, и мы двинулись дальше.

И вскоре оказались на любимой Бейкер-стрит. Дома я первым делом побежала на кухню – греть лапы, Холмс же позвал рассыльного, дал ему деньги и велел купить билеты на сегодняшнее представление цирка-шапито. Но непременно – в первом ряду. Затем он заперся у себя в комнате и стал пикиать на своей скрипке. Ужасно не люблю эти тоскливые, ноющие звуки – сразу хочется протяжно завывать! Но, будучи собакой вежливой и хорошо воспитанной, я от этого, как правило, воздерживаюсь.

Миссис Хадсон постучалась к Холмсу – принесла ему чай и сэндвичи, но Шерлок есть не стал. И поднос был отправлен обратно на кухню. Тогда я, выбрав удобный момент, вскочила на стул и стащила сэндвичи. Разумеется, не для себя – добропорядочная домашняя собака

никогда так не поступит, но для своего серого друга Барти. Он же с утра ничего не ел, да еще на улице – сильный мороз...

Никакого чувства вины (хотя не совсем правильный поступок, конечно же) я не испытывала. Это, строго говоря, не было воровством – я взяла только то, от чего отказался мистер Холмс. И не для себя, а для кота Барти, который не раз помогал нам в различных делах. Можно сказать, это плата (причем весьма скромная) за эти поистине бесценные услуги.

Барти я нашла там же, где и ожидала увидеть, возле мусорных ящиков. Ему так и не удалось пообедать, и он выглядел весьма грустным. Моему подарку кот страшно обрадовался: вкусная, жирная ветчина с тонкими прожилками темного мяса – одно объедение! Проглотил их в два укуса и вопросительно посмотрел на меня: нет ли еще? Я отрицательно гавкнула – пока все! Потом, попозже, может быть, раздобуду еще что-нибудь. Если удастся.

Барти заметно повеселел и начал даже что-то слегка мурлыкать. Я собралась было бежать обратно в квартиру, но кот остановил меня:

– Слушай, Альма, тут такое дело... Утром на соседней крыше я видел Пигсли, он следил за вами. И наверняка заметил, как ты, мистер Холмс и еще один джентльмен куда-то вместе поехали. А потом он убежал.

Я нахмурилась: плохая новость! Тут нужно пояснить: Пигсли – наглый рыжий облезлый кот, один из помощников Бальтазара. Служит в кошачьей банде, в основном на подхвате: что-то узнать, подслушать, за кем-то проследить. Натуральный пройдоха и вор! Сам по себе он не опасен – драться совсем не умеет, к тому же весьма труслив, но зато у него среди полосатой уличной шпаны и облезлых обитателей трущоб есть немало приятелей. И если вам, допустим, нужно отвлечь внимание полицейского добермана или сбить его со следа... Вот тут Пигсли и его друзья как раз и пригодятся.

Я не люблю Пигсли, как и всех усатых бандитов Бальтазара. Но особенно – Ганси и Труди. Это по-настоящему опасные противники: сильные, уверенные в себе, ловкие, со страшными когтями и острыми зубами. Они главные приспешники Бальтазара и его личная охрана. А сам главарь банды, если вы не в курсе, это любимый черный кот (вернее, целый котище!) профессора Мориарти, злого гения преступного мира Лондона. И самого опасного противника Холмса.

Значит, сделала я вывод, профессор тоже где-то здесь. Возможно, он приложил руку к этому дерзкому преступлению, а его верный черный кот – лапу. Хм, и это очень плохо... Придется быть гораздо осторожнее и чаще смотреть по сторонам – во избежание неприятных встреч. Если мелькнет среди унылых лондонских крыш рыжее пятно Пигсли, то почти наверняка за углом – и громилы Ганси и Труди, а также их предводитель – кот Бальтазар. И встречаться с ними мне совсем не с лапы...

Я поблагодарила Барти за новость (пусть и не слишком приятную) и побежала домой – лапы уже совсем заledenели. Надо бы как-то намекнуть нашему сыщику, что в этом деле участвует Мориарти. Впрочем, полагаю, он и сам уже об этом догадывается: слишком уж простое преступление! Тут чувствуется изощренный ум и немалый криминальный талант – как у профессора. Значит, надо держать ухо востро – и Холмсу, и мне. Ведь и сам Мориарти, и его помощники – весьма опасные и жестокие противники. Они не знают жалости и никому не дают пощады.

Глава пятая

Вечером того же дня мы отправились в цирк-шапито: мистер Холмс, доктор Ватсон и я. Шерлок надел на меня ошейник и взял на поводок – иначе не пустят, но я на него совсем не обиделась: понимала, что так нужно для дела. Когда придет время, он меня спустит, и тогда... Но не будем забегать вперед.

Круглый полосатый шатер цирка мы увидели еще издали, с Лейкер-стрит, а прямо за ним я заметила деревянные фургончики на колесах – в них, очевидно, и жили артисты. Там же располагался и зверинец – несколько больших железных клеток. В нос мне тут же ударил целый букет запахов: лошади, ослы, обезьяны, лев, тигрица... Пахло так крепко, что я даже зачихала. А ведь мне еще предстоит работать, искать нашего воришку!

Почему мы поехали в цирк? Увиденная афиша натолкнула Холмса на одну мысль: преступником может быть мальчик из семьи артистов, скажем, гимнастов или акробатов. Худенький, гибкий, очень ловкий, не боящийся высоты, способный протиснуться даже в небольшое отверстие. Почему бы и нет? Циркачи готовят своих детей к выступлению на арене с малых лет, и провернуть такой трюк для них – пара пустяков. Шерлок не случайно заказал билеты в первый ряд, поближе к манежу: он с доктором Ватсоном будет следить за артистами, а я – их нюхать. И, если почувствую знакомый запах, тут же подам знак – тявкну два раза.

Холмс отпустил кеб, и мы пешком дошли до циркового шатра. Народу внутри было уже полно, но в основном – небогатая публика, занимавшая второй и третий ярусы. В первых рядах, прямо у барьера, сидели люди более солидные и состоятельные, как правило, семейные: хорошо одетые дамы и джентльмены, красиво наряженные дети, с нетерпением ожидающие начала представления, их заботливые бонны и строгие гувернантки, пытавшиеся утихомирить своих воспитанников... Мы подошли к манежу и заняли свои места – прямо по центру. Очень удачно, следить будет удобно.

Вокруг было шумно, ярко, жарко, горели газовые лампы, оркестранты настраивали свои инструменты. Но главное – сотни чужих, незнакомых запахов! И не всегда приятных для меня. Я из-за этого даже немного растерялась: как среди этого разнообразия уловить тот самый, единственный – нашего воришки?

Наконец публика успокоилась, расселась по своим местам, заиграл оркестр, исполняя какой-то бравурный марш. На арену вышел солидный, представительный мужчина в черном фраке и высоком цилиндре – шпрыхшталмейстер, главный цирковой распорядитель. Он громкогласно приветствовал публику и объявил первых артистов. Я не буду описывать вам все цирковые номера, они ничем не отличались от сотен точно таких же. Если вы хоть один раз были в цирке, то, считайте, все уже видели. Ловкие жонглеры с кольцами, мячами и булавами; мускулистые силачи с тяжелыми гирями, штангами и гантелями; изящные девушки-наездницы в ярких костюмах амазонок, грубо размалеванные и совершенно не смешные клоуны, легкие, бесстрашные акробаты... Но мы с Холмсом с нетерпением ждали появления воздушных гимнастов.

И они появились на арене – целых пять человек. Шерлок предположил правильно, это была цирковая семья: папа, мама, две дочери и сын. Шпрыхшталмейстер важно объявил: «Леди и джентльмены! Встречайте знаменитых летающих Аванти, аплодисменты, пожалуйста!» Холмс весь подался вперед и обратил мое внимание на мальчика – не этот ли? Я приготовилась: верно, этот юный артист очень подходит на роль ночного вора – худенький, небольшого роста, гибкий и, несомненно, чрезвычайно ловкий. Воздушный номер лишь усилил мои подозрения: мальчик без всякого, казалось, напряжения летал под самым куполом цирка – с одной трапеции на другую, с одного каната на следующий. И совершенно не боялся высоты!

Я была абсолютно уверена: если нужно, спустится по музейной оконной шторе в зал и залезет потом обратно за минуту. Ерунда, никаких трудностей!

Когда воздушный номер наконец закончился и артисты вышли на поклон, Холмс незаметно отцепил мой поводок. И я выпрыгнула на арену, густо усыпанную опилками. Легко перескочила через барьер и, истошно лая, стала носиться между гимнастами. Те растерялись, не зная, что делать, а мальчик, кажется, серьезно испугался – когда я ткнулась ему в ногу своим черным носом.

Шерлок тут же сорвался с места и кинулся меня ловить, но делал это крайне медленно и неловко – чтобы я успела как следует всех обнюхать. Зрители решили, что так и было задумано, что это тоже часть циркового представления, и стали громко смеяться, хлопать в ладоши. А когда Шерлок, случайно зацепившись ногой за канат, неуклюже упал, раздался настоящий гром аплодисментов, послышались даже крики «браво!». Наше выступление пришлось публике по душе – было намного забавнее и смешнее, чем глупое кривляние двух клоунов. Вскоре я дала себя поймать, и Шерлок, рассыпаясь в извинениях, вернулся на свое место. Но ему еще долго и громко хлопали, требуя продолжения смешной репризы.

Разумеется, такое поведение с моей стороны было совершенно недопустимым: бегать кругами по манежу и неистово лаять на растерянных артистов, пугать их... Но что только не сделаешь ради торжества справедливости! Чтобы поймать опасного преступника, мне и не на такое приходилось идти. Когда мы с Шерлоком оказались на своем месте, он тихо спросил у меня: «Ну, как?» Я лишь огорченно вздохнула и опустила глаза – нет, не он. Не тот запах. Следовательно, никто из «воздушных» Аванти не был причастен к ночному происшествию в Британском музее. И мальчик – точно не наш воришка.

Холмс был явно разочарован – рухнула такая замечательная теория! Он собрался было покинуть цирк, но доктор Ватсон попросил его еще немного остаться – до антракта: хотел посмотреть все представление. Раз уж мы все равно здесь... Холмс пожал плечами и опустился обратно в кресло.

В конце отделения, перед самым антрактом, на арену выкатили большую бутафорскую пушку. Шпехшталмейстер важно вышел на арену и с загадочным видом объявил: сейчас почтенная публика увидит совершенно удивительный номер – полет маленького арапчонка на Луну. Своего рода ожившую восточную сказку...

Зазвучала тягучая, заунывная музыка, на арену вышел мужчина, одетый турком: белый тюрбан, красная куртка, широкий пояс, синие шаровары, туфли с загнутыми носами... И сделал вид, что готовит пушку к выстрелу: прочистил дуло большим банником, засунул в него несколько мешочков с «порохом», загнал туда же гигантский «пыж». И, наконец, вывел на арену «ядро» – невысокого, щупленького мальчика в костюме арапчонка.

Холмс буквально впился в него глазами – вот это точно он! Между тем «турок», забавно шевеля густыми черными усами, посадил мальчика, и тот быстро, ловко залез в ствол пушки. Зазвучала частая барабанная дробь, «турок» поднес к запалу тлеющий фитиль – и раздался резкий, громкий выстрел. Из пушки вырвалось красное пламя, повалил клубами белый дым... «Арапчонок», словно ядро, вылетел из пушки и, промчавшись над манежем, уцепился за большой желтый месяц, качающийся высоко под куполом.

Публика отреагировала на номер очень живо: сначала раздались дружные женские ахи, а затем – искренние и громкие аплодисменты: номер публике точно понравился. «Арапчонок» спустился по канату вниз и стал кланяться, рядом с ним стоял и по-восточному благодарил публику, прижимая правую руку к сердцу, «турок». Затем они вместе покинули манеж, начался антракт.

– Дорогой друг, – проникновенно произнес Шерлок Холмс, обращаясь к доктору Ватсону, – я должен поблагодарить вас.

– За что? – удивился тот.

– За то, что не дали мне уйти. Я чуть было не упустил нашего вора. Ты считаешь так же, Альма? – обратился сыщик ко мне.

Я неопределенно гавкнула: конечно, «арапчонок» вполне может быть нашим воришкой, очень уж подходит, но нужно его как следует обнюхать, иначе сказать точно нельзя. А обвинять кого-либо без веских на то причин – это неправильно и незаконно. Очевидно, та же мысль пришла в голову и Холмсу, и он начал решительно действовать.

Пока шел антракт (публика с охотой покупала сельтерскую воду в зеленых бутылочках и горячие сэндвичи с сыром, колбасой и ветчиной), Шерлок подошел к шпрыхшталмейстеру (тот стоял на арене, наблюдая за подготовкой к следующему отделению) и начал с ним о чем-то шептаться. О чем именно – я не слышала, меня держал возле себя доктор Ватсон, главным образом для того, чтобы уберечь от детей, которые так и лезли к нам, чтобы погладить меня. Я тихо, но очень недовольно ворчала – не терплю подобной фамильярности! Мы, таксы, умные и очень храбрые собаки, можем выгнать из норы лису и даже барсука. А не какие-то домашние киски, которые только и делают, что целыми днями валяются на кровати или точат когти о мебель!

Но я, кажется, отвлеклась, вернемся к нашему рассказу. Итак, мистер Холмс сунул шпрыхшталмейстеру в руку серебряную монетку, и это, как всегда, сработало: тот кивнул, подозвал молодого униформиста и дал ему какие-то указания. «Пойдемте!» – сказал парень, и мы втроем покинули цирковой шатер.

На улице наш провожатый свернул налево – к фургончикам артистов. Я бежала рядом с Холмсом – он снова взял меня на поводок. Молодой человек подошел к одному из дальних вагончиков и постучался в дверь: «Мистер Салех, мистер Салех!» Вскоре дверь чуть приоткрылась, и в проеме появилось очень недовольное лицо – того самого «турка». Он был без грима, без своих пышных черных усов – как оказалось, накладных.

– Чего тебе? – спросил «турок» довольно-таки грубо.

– Эти джентльмены, – показал униформист, – хотят с вами поговорить.

– Мистер Салех, – учтиво произнес Холмс, – я представляю одну очень уважаемую и известную благотворительную организацию, и у меня есть для вас очень интересное предложение.

Циркач что-то неразборчиво пробормотал – то ли с удивлением, то ли с недовольством. Может, и с тем, и с другим вместе. При этом он с большим подозрением смотрел на нас – очевидно, не любил незваных гостей.

– Разрешите войти? – вежливо спросил Холмс. – У вас в цирке много разных зверей, и моя собака сильно нервничает...

Циркач взглянул на меня, затем еще раз – на Шерлока и отрицательно покачал головой: «Здесь разговаривать!» По-английски он говорил хоть и с сильным акцентом, но вполне понятно.

– Я весьма впечатлен вашим номером, – продолжил Холмс, – и решил предложить вам ангажемент на всю будущую пасхальную неделю. У нас, в Саутгемптон-холле, мы устраиваем благотворительные представления для воспитанников детских приютов... Условия такие: семь дней по три выступления. Размер вашего гонорара мы обговорим прямо сейчас, полагаю, вы останетесь довольны! Кстати, а где ваш юный помощник? Я бы хотел лично поблагодарить его – за то удовольствие, которое он нам доставил. Отличный номер и великолепное исполнение, ваш мальчик буквально летал под куполом! И не подумай, что он висит на тонкой лонже и ежесекундно рискует жизнью. Какое бесстрашие, какой артистизм! Вы можете его позвать?

Холмс достал из кармана еще один шиллинг и протянул циркачу, тот ловко его схватил. Но отрицательно покачал головой:

– Видеть нельзя, он уже отдыхать. Я передавать ему ваши деньги, вы не беспокоиться!

И широко улыбнулся, продемонстрировав великолепные белые зубы.

– Так вы принимаете мое предложение? – с самым деловым видом произнес Холмс. – Мы пригласили богатых и влиятельных людей, они щедро отблагодарят вас. И это помимо гонорара! Им ваш номер, я уверен, тоже понравится, он просто чудесен! У вас, мистер Салех, появится неплохой шанс заработать – не менее пяти-шести фунтов! И всего за одну неделю! Прекрасная сумма! Вы, полагаю, согласны со мной? Далеко не каждый артист получает столько. Я даже взял на себя смелость подготовить для вас контракт, вот он, осталось только подписать...

Холмс достал из кармана какие-то бумаги и помахал ими перед носом мистера Салеха, впрочем, не отдавая тому в руки. Я заметила, что циркач очень заинтересовался этим предложением, и в самом деле чрезвычайно выгодным, но тем не менее все еще колебался...

– Давайте войдем к вам в фургон и подпишем бумаги! – широко улыбнулся Шерлок. – Вы сами убедитесь, насколько щедрое и выгодное для вас мое предложение...

Он хотел уже протиснуться в вагончик, но мистер Салех не пустил – твердо встал посреди двери. И все еще с большим подозрением смотрел на нашего сыщика... Какой недоверчивый тип! Как же нам быть? Холмсу, по-видимому, очень нужно попасть в этот фургончик...

И я решила действовать: отчаянно залаяла – словно увидела что-то очень для себя интересное, а затем грозно зарычала и резко натянула тонкий кожаный поводок.

– Что там, Альма? – делано удивился Холмс. – Кошка? Или крыса?

И пояснил, обращаясь к мистеру Салеху:

– Альма страшно не любит кошек, но еще больше – крыс. Настоящая охотница! Как только учует этих серых разбойниц – сразу же бросается на них, хватает и душит. Не такса, а прямо-таки настоящий зверь!

Циркач невольно попятился – видимо, мое грозное рычание серьезно напугало его, и я, воспользовавшись этим моментом, натянула поводок до предела. Он ожидаемо легко выскользнул из рук Шерлока (тот едва сжимал ремешок в ладони), и я ворвалась внутрь фургона. И сразу же увидела мальчика – того самого «арапчонка». Он сидел за низеньким столом и что-то ел из глиняной миски. Я бросилась к нему, ткнула носом в босую ногу и мгновенно поняла: да, это тот самый запах, как в музее. Точно наш воришка!

Мальчик взвизгнул от неожиданности и мгновенно запрыгнул на стол, и тут в фургон ворвался разъяренный циркач. Он схватил какую-то толстую палку и замахнулся было на меня... Но ударить ему не дали: Шерлок перехватил руку и с осуждающей интонацией произнес:

– Нельзя бить Альму, мистер Салех! Она ничего плохого вам не сделала!

– Вон! – заорал циркач. – Я звать полиция! Вы есть разбойники!

– Ну, по поводу разбойников мы еще с вами поговорим, – холодно произнес Шерлок Холмс, беря меня на руки, – но ладно, так и быть, мы уходим. Всего хорошего, мистер Салех!

И вышел со мною наружу. Доктор Ватсон вопросительно посмотрел на нас, но Шерлок показал головой – идемте. Мы быстрым шагом двинулись в сторону Лейкер-стрит, а вслед нам полетели какие-то проклятия. Я не поняла их – циркач ругался на своем родном языке, а я его не знала.

Когда мы снова оказались в кебе, Шерлок спросил:

– Ну, как, Альма?

Я два раза тихо тьякнула: да, это он, наш музейный воришка, ошибки быть не может. Правда, меня несколько смутило одно неожиданно открывшееся обстоятельство... Однако, немного подумав, я решила Шерлоку пока о нем не гавкать. И даже не намекать. Сам разберется! Тем более что оно никак не влияло на наше расследование.

Глава шестая

Поздно вечером того же дня, скорее уже даже ночью, мы снова были у цирка-шапито. Все в том же составе: Шерлок, доктор Ватсон и я. Только на сей раз мы прятались в сене и внимательно наблюдали за фургончиком мистера Салеха. К нашему счастью, сторожевых собак у циркачей не было, и обнаружить нас никто не мог. Тигрица, правда, заметно нервничала – все-таки учуяла меня, но я не боялась – ее клетка прочно заперта. А насчет льва я вообще не переживала – он уже совсем старый...

Мы залезли в большую повозку с фуражом и зарылись в сено по самые уши. Это, кстати, была идея Холмса – решил, что так мы надежно укроемся от чужих глаз. И прекрасно будем видеть все, что делается вокруг. Наверное, так оно и было, но меня запах сена ужасно раздражал – все время хотелось чихать. Однако я героически терпела: нельзя себя выдавать! Циркачи спали – время уже позднее, а завтра – новое представление, но в фургончике мистера Салеха все еще горел неяркий свет – тускло мерцала небольшая масляная лампа. Похоже, он кого-то ждал.

Мы тоже ждали: интересно, кто придет к нему в гости? Было холодно, мои лапы затекли, очень хотелось побегать, размяться, но я, как и все, терпела. Наконец в ночной тишине послышался глухой цокот копыт – звук подъезжающего экипажа, и вскоре на повороте с Лейкер-стрит остановилась коляска с поднятым черным кожаным верхом. Мы осторожно выглянули: с козел спрыгнул очень крупный, плечистый мужчина, настоящий громила.

Он осмотрелся и быстрым шагом направился к фургончикам циркачей. Второй человек остался внутри экипажа. Его лица мы не видели – сидел в темноте, в самом углу коляски.

– А вот и наши гости, – с удовлетворением произнес Холмс. – Надо бы и нам подобраться поближе, а то пропустим самое интересное.

Между тем громила подошел к фургончику мистера Салеха и дважды стукнул кулаком в дверь, ему тотчас же открыли. Холмс махнул рукой (за мной!) и, пригнувшись, первым побегал к цирковому домику. Доктор Ватсон и я последовали за ним, мы спрятались под окном фургончика и замерли в ожидании.

Что происходило там, внутри, мы не видели – стекло от холода совсем замерзло, покрылось инеем, но зато все хорошо слышали – стены у домика были тонкие, дощатые. В фургончике отчаянно спорили: бандит на чем-то требовательно настаивал, а циркач ему возражал. Спор, как я поняла, велся вокруг каких-то вещей, которые Салех должен был отдать. Но не отдавал. Наконец громила не выдержал и перешел к прямым угрозам: грозно заявил, что сейчас погромсает циркача на куски. Мистер Салех на это что-то резко ответил, затем послышался болезненный вскрик, шум завязавшейся драки...

Шерлок выхватил из кармана револьвер и бросился к двери, я – за ним, доктор Ватсон остался у окна – на тот случай, если кому-то придет в голову идея покинуть фургончик таким образом. Холмс успел вовремя – бандит пырнул мистера Салеха ножом и занес руку для второго удара. Впрочем, рана у циркача была неглубокой – видимо, громила не хотел сразу убивать его, лишь пугал.

Очевидно, разбойнику было важно что-то узнать или получить от мистера Салеха. Тот, впрочем, выглядел не особо испуганным и по-прежнему отрицательно мотал головой. И даже пытался бороться – понятно, в меру своих сил. Но сдаваться он точно не собирался! Без сомнения, этот человек был храбрым и отважным, настоящий мужчина!

– Бросай нож! – громко крикнул бандиту Холмс и демонстративно взвел курок револьвера.

Громила резко обернулся и, не раздумывая, кинулся на Шерлока, но сыщик отскочил в сторону и ловко ударил нападавшего по затылку рукояткой револьвера – чтобы оглушить.

Однако бандит лишь недовольно рыкнул и замотал крепкой головой – коротко стриженной, круглой, прочно сидящей на необычайно толстой, «бычьей» шее. И своих преступных намерений не оставил...

Удар Холмса, похоже, только разозлил его. Громила резко выкинул вперед руку с ножом, целясь Шерлоку в живот, но, к счастью, промахнулся: Холмс в самый последний момент сумел сдвинуться чуть левее, и лезвие лишь разрезоало плотную ткань пальто. Но если бы бандит попал хоть на четверть дюйма правее...

Шерлок ловким захватом перехватил правую руку преступника, они стали бороться. Я поняла – медлить больше нельзя, надо вмешаться. И вцепилась зубами громиле в лодыжку. Мой укус обычно заставляет людей выть от боли – зубы у меня очень острые, но бандит лишь мельком взглянул на меня и, не прекращая борьбы, отшвырнул ногой в сторону.

Я отлетела к стене, больно приложилась обо что-то и на короткое время выбыла из сражения. Но и этого Холмсу оказалось достаточно – он изловчился и снова врезал по голове бандита рукояткой револьвера, уже со всей силы. Однако громила оказался типом на редкость крепким – выдержал и этот удар. Лишь отодвинулся немного назад и замотал круглой башкой, как бы приходя в себя.

Затем, поняв, что ему не дадут уйти, оттолкнул Холмса в сторону и резко обернулся к мистеру Салеху. Тот, зажимая рану, сидел на куче какого-то пестрого циркового тряпья... Бандит снова ударил его ножом – уже серьезно, глубоко, чтобы насмерть. После чего развернулся к двери, намереваясь все-таки прорваться и скрыться в темноте.

В этой чрезвычайно опасной ситуации Холмс принял единственно верное решение и, почти не целясь, выстрелил из револьвера. Но понабилось целых три пули, чтобы остановить преступника – вот каким он оказался сильным!

Холмс перевел дух, убрал револьвер в карман пальто и поспешил к мистеру Салеху – тот был серьезно ранен. Последний удар бандит нанес циркачу прямо в грудь, причем очень точно. «Ватсон!» – позвал Шерлок, и доктор мгновенно вбежал в фургончик: быстро оценил ситуацию и приказал положить мистера Салеха на пол, сам снял с него куртку, рубашку, обнажил рану и, разорвав на полосы какое-то полотенце, крепко перевязал рану – чтобы остановить кровь.

– Нужна срочная операция, – взволнованно произнес доктор, – иначе умрет. Надо доставить его в госпиталь!

На шум и звуки выстрелов прибежали артисты и служители цирка, Холмс попросил их вызвать полицию. И еще кеб – чтобы отвезти нашего раненого в больницу. Через десять минут бедного мистера Салеха осторожно положили в коляску, и доктор Ватсон повез его на операцию. Шерлок остался в фургончике – дожидаться прибытия полиции. Я, естественно, была вместе с ним – не бросать же его одного!

Вскоре к цирку, помимо обычных постовых полицейских, прибыл и наш давний знакомый, инспектор Скотленд-Ярда Лестрейд, а с ним – и доберман Гилмор. Шерлок искренне поприветствовал шуплого, желчного, чрезвычайно похожего на хорька сыщика, а я, соответственно, дружески гавкнула его верному псу.

Мы с Гилмором не то чтобы очень дружим... Скорее наши отношения можно назвать деловыми – точно такими же, как у Шерлока с инспектором Лестрейдом, все наши встречи так или иначе связаны с раскрытием преступлений. Гилмор – очень добросовестный полицейский пес, хоть и не самый умный (прямо-таки скажем), но зато – честный и храбрый, да и дело свое знает отлично. Особенно он хорош в преследовании бандитов – ни одному не удалось от него уйти! Если, конечно, его не сбивали со следа кошачьи приятели мерзкого рыжего Пигсли...

– Вот, Лестрейд, полюбуйтесь, – кивнул Шерлок на убитого бандита, – король преступного мира, грабитель и налетчик по кличке Красавчик.

Я мысленно улыбнулась: надо отдать должное бандитскому юмору – назвать Красавчиком человека с такой ужасной физиономией! Узкий лоб, низкие брови, тяжелый, почти квадратный

подбородок, приплюснутый, сломанный нос, вывернутые толстые губы, гнилые желтые зубы... К тому же всю левую щеку громилы пересекал ужасный рваный шрам – след давнего ножевого удара.

– Я слышал о нем, – спокойно ответил инспектор Лестрейд, – и о тех жутких делах, которые он творил. Но схватить его мне никак не удавалось – прятался в самых страшных портовых трущобах. А оттуда, как вы знаете, мистер Холмс, достать кого-то очень трудно. И я, если честно, удивлен: что он забыл здесь, в этом скромном цирковом фургончике? Это же не богатый особняк и не банк... Совершенно непохоже на Красавчика! И, кстати, еще вопрос: а что делаете здесь вы, Шерлок?

– Провожу расследование, – скромно ответил Холмс, – и оно привело меня сюда. Подробности раскрыть вам не могу, сами понимаете – тайна клиента, но скажу: в этом деле замешан циркач Салех, в чьем вагончике мы с вами сейчас находимся, и, скорее всего, его маленький помощник. А, кстати, где он?

Я вышла вперед и два раз гавкнула, показывая на окно – рама была приподнята.

– Ага, понятно, – протянул Холмс, – мальчишка, воспользовавшись суматохой, незаметно улизнул. Что же, это несколько осложняет дело.

И снова повернулся к инспектору Лестрейду:

– Инспектор, у меня к вам большая просьба. Красавчик серьезно ранил мистера Салеха, и доктор Ватсон повез его в больницу... Надеюсь, операция пройдет успешно! Мне нужно обязательно поговорить с циркачом, это мой главный свидетель! Но я не сомневаюсь, что друзья Красавчика решат прикончить его – чтобы не успел ничего рассказать. Поэтому необходимо, чтобы ваши люди взяли мистера Салеха под свою защиту – до тех пор, пока не придет в себя и не ответит на мои вопросы.

Лестрейд подумал пару секунд и кивнул:

– Хорошо, но я тоже хочу присутствовать при этом разговоре. Меня очень интересует, что бандит Красавчик забыл в фургончике обычного трюкача... Может, поделитесь своими соображениями на этот счет?

– Не имею права раскрывать детали расследования, – покачал головой Холмс. – Но обещаю: вы будете при его финале – чтобы арестовать преступника или преступников. И, само собой, вся слава от их поимки достанется только вам!

Инспектор кивнул. В нем боролись два чувства: с одной стороны, ему очень хотелось узнать все прямо здесь и сейчас (тоже любил совать свой нос в чужие дела), но с другой – он прекрасно понимал, что ему гораздо выгоднее подождать и получить от Шерлока уже готовые ответы. Лестрейд прекрасно знал: Холмс никогда не берется за обычные, рядовые дела, значит, здесь все очень непросто. И уж лучше (и безопаснее) не лезть самому в гущу событий, а просто двигаться по следу великого сыщика, постепенно приближаясь к раскрытию преступления.

Инспектор уже не раз убеждался: Шерлок довольно спокойно относится к славе, его интересует лишь само преступление. И он легко отдает лавры победителя полицейским. И тогда именно он, инспектор Лестрейд, станет героем дня и попадет на первые страницы всех лондонских газет. А это очень неплохо... Да что там – просто замечательно, особенно для карьеры!

– Что нам делать с Красавчиком? – озадаченно спросил инспектор. – Как я объясню газетчикам его появление здесь, в цирке? И его смерть? Они же наверняка прибегут сюда и станут расспрашивать!

– Можно сказать, – подумав, предложил Холмс, – что Красавчик решил вскрыть цирковой сейф. Последние представления были весьма успешными, значит, в нем скопилась изрядная сумма. Но в темноте бандит перепутал фургончики и залез не к директору цирка, а к мистеру Салеху. Тот думал, что его грабят, и оказал сопротивление. Началась драка, и наш циркач, защищаясь, применил оружие – застрелил бандита. Это наверняка понравится газетчикам: правосудие свершилось, справедливость восторжествовала. Хотя наказали бандита и

не руками полиции... Но в любом случае, одним жестоким и опасным грабителем в Лондоне стало меньше, и это отличная новость.

Инспектор кивнул: да, пожалуй, сойдет. И пообещал, что немедленно выставит возле палаты раненого циркача пост. Полицейские будут дежурить в госпитале до тех пор, пока не появится возможность допросить мистера Салеха и получить все необходимые ответы.

На этом мы расстались: Холмс со мною на руках пошел искать кеб (что в ночное время оказалось делом весьма непростым), а Лестрейд остался в фургончике – хотел, наверное, еще раз осмотреть его. Деревянный домик уже тщательно обыскали, но ничего особенного не нашли, и инспектор был явно разочарован: видимо, надеялся обнаружить хоть какую-то зацепку и опередить Холмса.

Я между тем думала: из подслушанного разговора стало ясно, что мистер Салех отдал заказчику музейной кражи не все украшения царицы Нефед, а только часть их, поэтому к нему и прислали бандита Красавчика. Остальное, скорее всего, он где-то припрятал... И хочет за них что-то получить – помимо обговоренного гонорара. Но что именно, мы не знаем, не слышали всего разговора, но, несомненно, это какая-то ценная для него вещь. Раз уж пошел на такой риск – не побоялся угроз громилы Красавчика, начал драться с ним. Очевидно, это что-то очень для него важное...

Черная коляска, в которой приехали к цирку преступники, скрылась тотчас же, как только раздались первые выстрелы, и узнать, кто в ней находился, помимо Красавчика, оказалось невозможно. У нас осталась только одна нить – мальчишка-«арапчонок», музейный воришка. Нужно думать, бандиты тоже будут искать его и постараются найти... А уж по поводу методов получения того, что им нужно, они стесняться точно не станут! Им все равно, кто перед ними: старик, женщина или ребенок, – если речь идет о деньгах. А тут на кон оказалась поставлена весьма и весьма значительная сумма – если судить по страховой стоимости золотых царских украшений. А сколько можно выручить за них где-нибудь на аукционе в Нью-Йорке? Да наверняка раза в два-три больше, чем в Англии, и это как минимум!

Нам «арапчонок» тоже был нужен. Мистер Салех интересовал нас гораздо меньше: ясно, что будет молчать. Убедить его оказать нам помощь в расследовании вряд ли получится – у циркача какая-то своя тайна. А человек он, как выяснялось, очень храбрый и твердый – раз не побоялся ножа бандита Красавчика! Так просто расколоть его не удастся...

Инспектор Лестрейд тоже помочь нам в этом деле, к сожалению, не сможет: прямых улик против мистера Салеха нет, в его фургончике ничего не нашли. Его даже, по сути, арестовывать не за что: перед английским правосудием он совершенно чист. По крайней мере, пока. И надавить на него практически было нечем – единственный близкий ему человек, мальчишка-помощник, исчез... И где нам его искать?

Глава седьмая

На следующее утро ни в одной из лондонских газет ничего про ночное происшествие сказано не было: по-видимому, его сочли не заслуживающим внимания. Я, сидя в своем укромном уголке под лестницей, слышала, как Холмс с некоторым удивлением сообщил об этом доктору Ватсону. На что тот справедливо заметил, что людей сейчас гораздо больше интересует светский скандал, связанный с лордом Арбетнотом и его женитьбой, чем убийство какого-то бандита Красавчика. Шерлок согласно хмыкнул: что же, это нам, пожалуй, даже на руку. Чем меньше народа будет знать об этой истории, тем лучше.

Доктор Ватсон вернулся в квартиру лишь под утро и сообщил, что мистеру Салеху крупно повезло: рана оказалась, к счастью, не смертельной. В госпитале ему сделали операцию, и сейчас циркачу значительно лучше. Но допрашивать его нельзя – потерял много крови, хорошо, если придет в себя дня через два-три, а то, может быть, придется ждать и гораздо дольше, целую неделю.

– У нас нет столько времени, – с огорчением вздохнул Холмс. – В четверг о краже станет уже известно.

– Значит, нужно как можно скорее найти мальчика, – сказал доктор Ватсон. – Желательно – сегодня же, пока до него не добрались бандиты.

Я была полностью с ним согласна: для самого же маленького воришки будет гораздо лучше и безопаснее, если его найдем мы, а не громилы вроде того же Красавчика. Если такое все-таки случится, то за жизнь «арапчонка» я не дам даже гнутаго фартинга.

Шерлок задумчиво ходил по гостиной и говорил вполголоса:

– Где он мог спрятаться? Маленький мальчик, один в большом, чужом городе, зимой, без теплой одежды... Она же наверняка осталась в фургоне, а возвращаться туда он боится. Полагаю, что наш воришка все еще где-то в цирке, забился куда-то... Циркачи, насколько я знаю, всегда помогают друг другу, у них в этом плане что-то вроде актерского братства. Спрятать мальчишку, в их понимании, дело благородное, ведь он не преступник, а, наоборот, жертва. Полиции же циркачи не доверяют... Нам, впрочем, они также помогать не станут – мы для них тоже чужаки. Объяснять же, что и как, уговаривать их – у нас нет на это времени. Нельзя даже упоминать о краже! Так как же нам найти мальчика? Обшарить весь цирк? Невозможно, никто нам не позволит без веской на то причины, а просить помощи у инспектора Лестрейда мы не можем, тогда придется ему все рассказать. Но я пообещал директору музея сохранить эту кражу в тайне! Замкнутый круг получается... Между тем бандиты наверняка уже ищут мальчишку и скоро придут за ним в цирк. И уж они-то медлить точно не будут!

– Этот «арапчонок» такой худенький, щупленький, – заметил доктор Ватсон, – что может прятаться где угодно. Забьется в любую дыру – и нет его. Даже в пасть ко льву! – И он весело рассмеялся.

Шерлок вдруг остановился и медленно произнес:

– Пожалуй, вы правы, мой дорогой друг. Где никто не станет искать мальчишку? В клетке со львом! Итак, собирайтесь, Ватсон, мы снова едем в цирк! Только перед этим нужно подготовиться и переодеться. И мне, и вам.

Через четверть часа Шерлок и доктор Ватсон спустились вниз, в прихожую. Я, как всегда, вышла к ним. Доктор внешне мало изменился: ему лишь наклеили густые темно-рыжие усы и такие же бакенбарды (впрочем, совсем ему не идущие), а вот Холмс преобразился совершенно. Передо мной стояла высокая, худая пожилая дама в темно-сером клетчатом пальто. Шляпка двадцатилетней давности, пучок седых волос на затылке, золоченое пенсне на носу, старомодный ридикюль на тонком кожаном ремешке... Черные зимние боты и темно-коричневый клетчатый шарф гармонично дополняли этот образ старой дамы.

– Итак, мой друг, – произнес Холмс, – давайте еще раз обговорим наши роли: я – почетный член Лондонского общества защиты животных леди Дитмар, а вы – наш клубный ветеринар. Мы крайне озабочены содержанием несчастных цирковых животных, поэтому должны провести инспекцию: не болеют ли они, достаточно ли у них еды, какой за ними уход? Ваша задача – создать видимость осмотра, а я займусь поиском мальчика. Ты, Альма, – обратился ко мне Холмс, – едешь с нами, будешь помогать нам.

– Но я не так хорошо разбираюсь в ветеринарии, – честно признался доктор Ватсон, – как хотелось бы... Конечно, общие сведения, полученные в университете, у меня имеются, но тут очень важно...

– Ничего не важно, – прервал его Холмс, – абсолютно ничего! Никто не заставляет вас, мой дорогой друг, по-настоящему осматривать цирковых зверей, надо лишь создать видимость обследования. И отвлечь на время внимание от нас с Альмой. Все остальное мы сделаем сами. Правда, умница моя? – снова обратился Шерлок ко мне.

Я уверенно гавкнула, разумеется, коллега, о чем речь! Кому еще бороться с преступниками, как не нам с вами?

На улице Шерлок остановил кеб, мы сели в коляску и покатали в цирк. Было по-прежнему холодно, дул ледяной ветер, в зимнем воздухе кружились редкие, крупные снежинки. Да, не самое приятное время года, особенно для тех, кто сейчас находится не в теплой квартире, а на улице... Как там мой друг Барт, удалось ли ему найти еду?

Вскоре мы добрались до цирка и вошли под его просторный шатер. Артисты на манеже усердно репетировали – отрабатывали свои номера. Холмс взял меня на руки и уверенно направился к уже знакомому нам шпехштальмейстеру – тот тоже был на арене, отдавал какие-то распоряжения своим помощникам в цирковой униформе.

Подойдя, Шерлок представился высоким, визгливым голосом: «Я леди Дитмар, попечительница и почетный член Лондонского общества защиты животных, а это – мистер Паркер, наш ветеринар». После чего с важным видом рассказал о цели своего визита – необходимо проверить условия содержания цирковых зверей.

Шпехштальмейстер удивленно поднял седые брови (никогда прежде о таком обществе не слышал) и тут же позвал директора цирка, чернявого, полного, очень живого и вертлявого господина, представившегося мистером Альнутти. Между ним и Шерлоком состоялась бурная дискуссия: директор уверял, что все животные в его замечательном цирке содержатся в истинно царских условиях и абсолютно ни в чем не нуждаются, Холмс же, поддерживая имидж пожилой, въедливой, строгой «леди Дитмар», в этом искренне сомневался. И кивал на Джона Ватсона – пусть наш уважаемый ветеринар в этом сам убедится. Доктор в это время благодарно молчал и старался по возможности вперед не лезть, я же, наоборот, волчком крутилась на месте и время от времени взвизгивала, изображая крайнее нетерпение.

– Вот видите, – показал на меня Холмс, – моя собака тоже вам не верит. Думаю, для всех будет лучше, если мы все-таки осмотрим ваш зверинец. Много времени это не займет.

– Но животные сейчас отдыхают, – возразил мистер Альнутти, – и их нельзя беспокоить до представления. Как вы собираетесь их осматривать? Вы что, сами полезете в клетки? Но у нас там лев, тигрица, они чужих очень не любят, признают лишь своих хозяев. Вдруг с вами что-то случится?

Последнюю реплику он адресовал непосредственно доктору Ватсону, и тот слегка побледнел – лезть к хищникам ему совсем не хотелось.

– Не волнуйтесь, – возразила «леди Дитмар», – мистер Паркер легко определит их состояние по внешнему виду. Подойдет ближе к клетке и посмотрит внимательно, этого окажется достаточно. К тому же, полагаю, вы тоже будете присутствовать там, не так ли? И, если что, вы нам поможете. Как и дрессировщик этих несчастных зверей...

– Нет, я на это пойти не могу! – нервно воскликнул директор цирка. – А вдруг все же что-то случится, какой-нибудь несчастный случай? Что тогда? Что, если на вашего уважаемого ветеринара нападёт наша тигрица? Она, когда голодная, становится чрезвычайно нервной и агрессивной, а кормить ее будут только вечером, после выступления.

– Предлагаю закончить этот бесполезный спор, – ледяным голосом произнесла «леди Дитмар». – Если вы не позволите нам осмотреть ваших животных, то, клянусь богом, я добьюсь того, чтобы сюда прибыла целая ветеринарная комиссия. И уж она-то точно найдет к чему придраться! Вас вообще закроют на карантин! На пару месяцев как минимум!

Директор цирка посмотрел на решительный вид «леди Дитмар», тяжело вздохнул и сдался: ладно, пусть будет по-вашему. Но при этом настоятельно просил «мистера Паркера» близко к клеткам не подходить и уж тем более – не открывать их. Доктор Ватсон, само собой, охотно согласился.

В сопровождении нервного директора цирка и дрессировщика, некоего мистера Хальве, мы подошли к звериным клеткам. Пахло от них, доложу я вам... Как среди этих весьма острых ароматов я учую нашего беглеца? Совершенно непонятно.

Холмс, продолжая играть роль придирчивой старой дамы (в нем, несомненно, умер великий актер!), не спеша обходил звериные клетки, доктор Ватсон издалека смотрел на животных и что-то с озабоченным видом записывал у себя в блокнотике. Директор Альнутти, следовавший за ним буквально по пятам, с тревогой за этим наблюдал и пытался через плечо прочесть хоть что-то, но доктор Ватсон ему не давал, отворачивался и закрывал свои записи рукой.

Наконец мы подошли к клетке со львом. Для царя зверей, как и для тигрицы, внутри был обустроен особый деревянный домик с подогревом. С внешней стороны решетки находилась печка, которую постоянно топили углем, и горячий воздух по трубам попадал внутрь звериного логова. Благодаря этому старый лев мог чувствовать себя комфортно даже в самые жестокие морозы.

Значит, решила я, наш беглец вполне может укрыться в этом львином убежище – если решил от кого-то надежно спрятаться. Он не первый месяц живет в цирке, царь зверей к нему давно привык, относится как к своему. Тем более что старого хищника, похоже, ничто в жизни уже особо не интересует – ну, кроме, разумеется, хорошего куска мяса на обед, и желательно – свежего. Но как нам выманить мальчишку из этого звериного жилища? Сам он добровольно не выйдет, это понятно, а в клетке – хищник. Пусть он и старый, но все же опасный, особенно для чужих. Да и директор цирка ни за что не позволит нам зайти в клетку...

Шерлок вопросительно посмотрел на меня, и я вздохнула – ладно, раз уж взялась за это дело... И мы повторили старый трюк с поводком: Шерлок поставил меня на землю – якобы для того, чтобы размяла лапки, а я вырвала тонкий поводок из его руки и сходу запрыгнула в клетку. Решетка была не слишком частой, рассчитана на весьма крупных животных, так что я без труда пролезла. С такой фигурой, как у меня, можно протиснуться вообще везде. Ну, или почти везде... И под истошные вопли «леди Дитмар», а также под горестные причитания директора цирка я понеслась к деревянному домику.

Подбежав, заглянула в него: лев самым наглым образом спал, не обращая никакого внимания ни на меня, ни на суету вокруг. Царь зверей твердо знал: его услуги понадобятся только вечером, во время выступления, а затем его будут кормить. Значит, все остальное время он может спокойно отдыхать и ни о чем не думать. Что с большим удовольствием и делал.

Пришлось мне подбежать ближе и громко гавкнуть льву прямо в морду. Старый зверь лениво приоткрыл один глаз, удивленно посмотрел на меня (что это еще за мелюзга такая?), затем широко зевнул, показав весьма солидные желтые клыки. И снова закрыл глаза – просыпаться ему совсем не хотелось.

Ну, это уже оскорбление! Я ему охотничья собака или кто?

Я снова смело подскочила к хищнику и залилась истошным лаем. Может, хоть сейчас проснется? Однако результат получился самый неожиданный: царь зверей так и не открыл глаза, зато откуда-то из угла послышался испуганный вскрик. Я загавкала еще сильнее, во всю силу. Из темноты вдруг выскочил маленький мальчик и бросился наутек. Я с радостным лаем кинулась за ним, выгоняя прямо к дверям клетки.

– Азим? – удивленно воскликнул толстенький директор цирка. – Что ты здесь делаешь?

Мальчик прижался к решетке и со страхом смотрел на меня, даже побледнел немного. Так иногда бывает в жизни: люди умеют дружить с опасными хищниками, но панически боятся маленьких лающих собачек. Тем более таких храбрых, голосистых и звонких, как я.

В это время царь зверей все-таки соизволил проснуться и не спеша вышел из своего домика. Помотал мохнатой, гривастой головой, лениво потянулся, посмотрел одним глазом на нас с Азимом и грозно рыкнул: «Кто смеет нарушать мой сон и покой?» Теперь уже побледнел Шерлок Холмс – наверняка представил себе, что произойдет, если хищник кинется на меня. Подбежал к железной двери, спешно отодвинул засов, чтобы я благополучно выскочила наружу. Хотя, если понадобилось бы, я спокойно протиснулась бы и сквозь прутья. Азим хотел было убежать обратно в домик и снова затаиться, но Шерлок успел крепко схватить его за руку и вытащить из клетки, ему активно помогал в этом доктор Ватсон.

– Вот видите, – назидательным голосом произнесла «леди Дитмар», – ваш ужасный лев чуть было не съел этого бедного мальчика. Хорошо, что я оказалась рядом! Малыш так испугался, буквально весь дрожит! Я беру его с собой – нужно показать его врачу, вдруг у него сильное нервное потрясение? И не благодарите меня, это мой священный долг! Идемте!

С этими словами Холмс уверенно потащил Азима за собой, доктор Ватсон прикрывал наш отход. Директор цирка нисколько не возражал – он, по-видимому, был счастлив избавиться от строгой и слишком придирчивой «леди Дитмар», а судьба мальчишки его совершенно не волновала: если нужно, он легко найдет себе других артистов. Дрессировщик, мистер Хальве, выглядел несколько озадаченным: он, по-видимому, прекрасно знал, что Азим прячется в львиной клетке, возможно, даже сам помог ему там укрыться. Но заступаться за мальчишку тоже не стал – лишние неприятности ни к чему.

Холмс и Ватсон крепко взяли воришку под руки – чтобы не удрал, а я бежала сзади, подгоняя пленника. Нам повезло: мы довольно быстро нашли кеб и без приключений добрались до Бейкер-стрит. После чего мальчика, опять же под конвоем, повели на второй этаж. И надежно заперли в ванной комнате. Операция «Арапчонок» успешно завершилась.

Глава восьмая

Вскоре у нас в квартире началось совещание, в котором самое живое участие принимала миссис Хадсон. Ей оказалось достаточно одного взгляда, чтобы понять, в каком состоянии находится бедный мальчик, и она стала категорически возражать, когда Шерлок решил немедленно приступить к допросу.

– Нет, – твердо заявила она, – в первую очередь – купание и чистое белье, потом хороший обед, и лишь после этого – все остальное.

– И кто же будет его мыть? – удивился Холмс. – Доктор Ватсон?

– Полагаю, что я, – хитро улыбнулась моя хозяйка.

И пошла к себе в комнату, однако вскоре вернулась – с нижним женским бельем и двумя большими полотенцами. Холмс с явным недоумением посмотрел на нее, но промолчал, а доктор Ватсон смущенно потер подбородок – кажется, он начал о чем-то догадываться.

Миссис Хадсон вошла в ванную комнату и заперла за собой дверь. О чем она там говорила с нашим пленником, неизвестно, но, очевидно, ей все-таки удалось уговорить его принять ванну. Хорошо, что у нас всегда есть горячая вода – благодаря новейшему паровому отоплению долго греть ее и терять время не пришлось.

Послышался звук льющейся воды, затем – какой-то спор, уговоры – и снова плеск. Холмс сел в свое любимое кресло у камина и взял свежую газету, а доктор Ватсон пошел к себе – готовиться к вечерним визитам. После обеда он обычно посещал пациентов: осматривал их, выписывал лекарства, рекомендовал способы лечения.

Через четверть часа из ванной комнаты вышла миссис Хадсон, а вместе с ней... и очаровательная девочка лет восьми-девяти. Она была завернута в два полотенца, но это не помешало мне заметить, что у нее очень стройная, тонкая и гибкая фигура.

Шерлок с полминуты молча рассматривал ее, а затем с укоризной обратился ко мне:

– Альма, ты это знала?

Я вздохнула: конечно же. Поняла сразу – еще во время нашего первого визита в фургончик мистера Салеха.

– Могла бы и намекнуть мне, – прошипел с обидой Шерлок. – А вы, Ватсон? – обратился он к своему другу.

Тот смущенно кашлянул:

– Я стал подозревать значительно позже...

– Понятно, – протянул Шерлок и повернулся к девочке: – Как тебя звать, прелестное дитя?

– Перед началом разговора мне хотелось бы кое-что обсудить с вами, джентльмены, – вмешалась миссис Хадсон. – Во-первых, я обещала Басине, что ни при каких обстоятельствах мы не станем привлекать полицию. Вы согласны со мной?

Холмс и Ватсон дружно кивнули. Разумеется, полицейские нам ни к чему. Миссис Хадсон продолжила:

– Отец Басины постоянно пугал ее, говорил, что она должна избегать встречи с полицейскими. И скрывать, кто она на самом деле, иначе их разлучат: его посадят в тюрьму, а ее отдадут в сиротский приют. И они больше никогда не увидятся... Девочка ему верила, ведь отец для нее – самый близкий и дорогой человек. И единственный, кто остался из родственников – мать умерла, а больше никого близкого нет. Отсюда – и ее мужская одежда, стрижка «под мальчика» и все прочее. Это маскировка... Впрочем, мистер Салех в этом был совершенно прав: быть мальчиком у нас в некотором смысле гораздо удобнее и проще, чем девочкой, меньше вопросов и хлопот. Далее, второй момент: мы должны спасти Басину от тех негодяев, которые хотели убить ее отца...

Шерлок и доктор Ватсон снова дружно кивнули.

– Третье: мы постараемся выручить отца Басины из той неприятной ситуации, в которую он попал, а девочка за это поможет нам найти украденные царские сокровища. Так ведь, дитя мое?

– Да, – кивнула Басина, – кроме бронзового амулета с кошкой. Он должен вернуться в Египет, к царице Нефед...

Девочка неплохо говорила по-английски – в отличие от своего отца. Она, по всей видимости, больше и чаще общалась с циркачами, поэтому и имела гораздо больше практики. Кроме того, дети, попав в другую страну, как правило, довольно быстро начинают говорить на чужом языке, взрослым же на это требуется гораздо больше времени и усилий.

Впрочем, я снова отвлеклась, давайте вернемся к нашему повествованию.

– Раз мы с вами пришли к полному взаимопониманию, – продолжила миссис Хадсон, – то, полагаю, вы, мистер Холмс, можете задать Басине свои вопросы. Но не сейчас, а потом, когда я найду для нее подходящую одежду и накормлю хорошим обедом. Бедняжка больше суток ничего не ела, она очень голодна!

С этими словами миссис Хадсон, не дав Холмсу даже рта раскрыть, увела девочку в свою комнату. Я, естественно, побежала следом – интересно же! Шерлок остался сидеть в глубокой задумчивости, а доктор Ватсон отправился наносить визиты своим пациентам.

Я не могла не восхититься мудростью и великодушием моей любимой хозяйки: она не только нашла общий язык с Басиной, но и завоевала ее полное доверие. А это очень важно для нашего дальнейшего расследования! Кроме того, вернуть девочке привычный вид было абсолютно правильным и своевременным решением: бандиты, несомненно, следят за нашим домом – они знают, что Шерлок Холмс участвует в расследовании. Но ищут они мальчика, а у нас же – девочка. Кожа Басины довольно светлая, и если одеть ее соответствующе, да еще немного причесать, чуть-чуть обучить правильной походке и некоторым манерам...

В результате мы получим прелестную юную леди, с которой не стыдно показаться в любом обществе, даже в высшем. Да хоть на приеме у самой королевы Виктории! Я, кстати, смогла бы в этом случае составить ей компанию – для большего правдоподобия. Милое дитя с маленькой собачкой на поводке – что может быть безобиднее, чудеснее и невиннее? И никаких тебе грязных, голодных, испуганных мальчишек в арабской одежде!

Глава девятая

Шерлок намеревался приступить к расспросу Басины сразу после обеда – как только миссис Хадсон накормит ее, но у него опять ничего не вышло: девочка просто заснула. Бедняжка так настрадалась за последние сутки, столько всего перенесла... Она начала клевать носом еще во время еды, и миссис Хадсон, заметив это, помогла Басине добраться до кушетки и прилечь. И заботливо укрыла ее теплым шерстяным пледом: пусть поспит, наберется сил! А мистеру Холмсу придется немного подождать со своими вопросами. Пусть и очень важными...

Кстати, миссис Хадсон подобрала для Басины вполне подходящую одежду: красивое темно-синее платье с белым отложным воротником, светлые нитяные чулки и бордовые лаковые туфельки. Они (как и многие другие вещи) остались у нас от двоюродной племянницы хозяйки, Элли Клайн, гостившей у нас на Бейкер-стрит позапрошлым летом. Они оказались для Басины несколько великоваты, но зато мгновенно превратили ее из чумазого «арапчонка» в приличную и очень симпатичную английскую девчушку.

Я, находясь внизу, слышала, как великий сыщик нетерпеливо ходит у себя в комнате в ожидании возможности задать Басине необходимые вопросы, но ничем не могла ему помочь. Да, мне тоже хотелось услышать рассказ девочки, но нельзя же мучить бедное дитя! Пусть и в самом деле немного отдохнет и придет в себя.

Между тем короткий зимний день начал постепенно клониться к закату. Фиолетовый сумрак лондонских улиц сделался мутным, густым и вязким, его, как всегда, резко разрывали четкие квадраты желтых окон и расплывчатые круги газовых фонарей. И я решила, пока не поздно, пойти погулять. Выскочила через свой кухонный дверной лаз на улицу и побежала по привычному маршруту.

– Сосиска на ножках, сосиска на ножках! – раздалось тут же сверху.

Я даже не подняла голову – ясно же, что это рыжий разбойник Пигсли. Не обращая на него внимания, я сделала свои дела и понеслась вдоль длинного забора, отгораживающего наш задний двор от соседнего, – искать кота Барти. Но того нигде не было видно.

– Что, своего дружка ищешь? – ехидно спросил сверху Пигсли. – Так его нет – ему Ганси и Труди изрядно надавали.

– За что? – удивилась я.

– За то, что дружит с тобой, – злорадно прошипел рыжий. – Это же просто неприлично – чтобы благородный уличный кот и якшался с какой-то вшивой шавкой! Позорище невероятное!

– Интересно, Пигсли, а ты себя тоже считаешь благородным? – ехидно спросила я у кота.

– Конечно! – надулся тот от гордости. – Разве могут быть какие-то сомнения? Я – настоящий джентльмен улиц и лорд лондонских дворов! От самого рождения и до самой своей смерти!

– Тогда скажи, Пигсли, за что тебя хотели утопить? Не за воровство ли? А разве благородные коты так поступают – тащат чужую еду?

Рыжий зло, противно зашипел: бывшие хозяева и в самом деле едва не утопили его – за то, что воровал на кухне. Надо сказать, Пигсли раньше жил в весьма приличном доме, был всегда сыт, ни в чем не нуждался, но не смог удержаться, стал красть еду. Натуру ведь не исправишь! Его поймали, что называется, с поличным и собирались сурово наказать...

Пигсли с большим трудом удалось вырваться и скрыться в каких-то подвалах, с тех пор он живет в нашем районе. И очень не любит людей. А также собак – за то, что мы им помогаем. Но если разобраться, рыжий сам виноват в своих бедах: жил в тепле и уюте, его хорошо кормили, любили, даже лечили, когда болел. Но все-таки начал потихоньку таскать хозяйскую

еду: подцеплял острым когтем мясо из кастрюли, уволакивал в темный угол и съедал втихую. А кому это нравится? Вот и получил, что называется, по заслугам.

Барти же, наоборот, с самого рождения – настоящий благородный уличный кот, домашней жизни никогда не знал. И она ему, пожалуй, даже не нужна – слишком высоко он ценит свою волю и независимость. Его девиз: пусть голодно, зато свободно. Поэтому, кстати, Барти и не захотел войти в банду Бальтазара, хотя ему не раз предлагали. А ведь мог бы сейчас каждый день есть мясо и колбасу! А не какие-то там объедки из помойки... Но он решил, что, согласившись, утратит часть своей независимости и кошачьей вольности. И наотрез отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.